1 (*окончание*)

«Лёд» и «Пламень»

1. Светлана Романенко (Смоленск)

Золотые крупицы слов

нег в руках предпринимателя-азербайджанца, который едет за товаром, не задумываясь о возможных последствиях, решаются на вымогательство, а встретив противостояние, – и на расправу (Михаил Кураев «Спальный вагон прямого сообщения»).

А вот кузнец Гуляев – герой повести Юрия Некрасова «Пьяные сны Леонида Гуляева» с его простодушием и привычкой во всех бедах винить только самого себя – вполне мог бы быть персонажем Куприна или Лескова. Лишь новые «хозяева жизни», всеми правдами и неправдами скупающие в черте города старенькие дома, да бомжи на помойках свидетельствуют о том, что действие происходит в наши дни. Чистая душа – и безымянная героиня рассказа Татьяны Тайгановой «Придёт понедельник» с её надеждой на простую человеческую радость.

Одна из примет сегодняшней российской жизни – «ушибленные» локальными войнами персонажи. Это относящийся ко всему подчёркнуто серьёзно, ретиво муштрующий студентов майор Мамыкин (Алексей Варламов «Присяга»). Или обитающий в подмосковных Мытищах глухой полусумасшедший гастарбайтер из бывшей Югославии по прозвищу Рабсила (Борис Евсеев «Мясо в цене!») с его размышлениями об очищающей сути Великого поста и острозаточенным колбасным ножом, который он, не задумываясь, пускает в ход: будь то ряженый по случаю Масленицы налётчик или вдруг показавшиеся лишними собственные пальцы. Россия в его восприятии – это карнавал нищих, вороватых, убогих, который одновременно и отталкивает, и притягивает к себе.

А Владимир Кантор в рассказе «Библиофил» затрагивает во все времена важную для литературы тему взросления героя: не столько воспитания чувств, сколько, если можно так сказать, идентификации личности. Сюда же примыкают «Лионский дилижанс» Владимира Краковского (отрывок из романа «Боря. Жизнеописание») и рассказ «Другой город» Руслана Киреева.

Поразили блистательные дневниковые заметки на темы искусства Юрия Карякина. В полном соответствии с названием («Уколы мысли») в них много примечательного. В частности, два письма о духовно-художественном родстве Достоевского и Микеланджело, автором которых является внук М.И. Кутузова Феофил Матвеевич Толстой, музыкальный критик и высокопоставленный чиновник цензурного ведомства. А особенно хороша главка о «Чукоккале», название которой – «Весёлое и трагическое завещание последнего возрожденца».

Словом, полновесная, качественная современная проза.

Ещё более разнообразны темы поэтического тома антологии. В предисловии к нему Ю.Кублановский пишет: «Поэт приходит в "мир" с искренним самоотверженным словом, драматичным, порою тяжким – но, несомненно, с целительным. Словом, зовущим верить Богу, любить Отечество. И чувствовать ответственность каждого перед всеми. Всё это не архаичные "русские комплексы" – а сущностные, необходимые составные настоящей нашей поэзии». Но это так должно быть. Отнюдь не склонный к обольщениям относительно сегодняшней культурной ситуации в России, автор предисловия продолжает: «Думаю, едва ли не любой интеллигент согласится, что читает теперь стихов много меньше, чем раньше, что относится к ним без прежнего жара. И порой ловишь себя на мысли: да существует ли ещё читающая Россия как культурное целое? Быстро уходит из сознания непоколебимая прежде убеждённость в предназначении. А без неё какая ж поэзия?»

Невольно зацепившись за эти слова, я читала книгу «Пламень» под определённым углом зрения: хотелось проследить, насколько вообще сегодняшнюю поэзию занимает вопрос о своём предназначении. Как оказалось, занимает. Выражается это разными способами. Осмыслением себя в ряду знаковых для отечественной литературы имён. Ощущением, говоря словами Давида Самойлова, «рукоположения в поэты». Взять, к примеру, «У могилы Ахматовой» Людмилы Абаевой, «Куда как мы звонколголосы…» Леонида Григорьяна, «Какая грусть! Но, впрочем, это…» Александра Трунина и др.

Или обращением к пресловутой теме родины, её исторического значения, её унижения и защиты (Виктор Домбровский «Казаки», Сергей Галкин «Куликово поле», Николай Панченко «К России», Анастасия Харитонова «Истерзанная, нищая страна» и др.). Такая же роль отведена вплетённым в ткань стиха реминисценциям, как у Владимира Крюкова:

Вот, смотрите, на этих листах
Нашей жизни странная музыка.
Или – выбранные места.

Встречаются и прямые суждения о предназначении:

Кричали с эстрады о вечном,
горланили спьяну стихи,
а сами, как стадо овечье,
пугались любой чепухи.

Метались, толкаясь в загоне,
терпели и стужу, и грязь…
Им снились крылатые кони,
что мчали их к славе, клубясь.

Но время, листая страницы,
развеяло многое в прах,
лишь слов золотые крупицы
лежат на Господних весах.

(**Владимир Коробов** «Поэты»)

…И темень цветная шумела в саду
О том, что и ливень – стена мирозданья.
Под чёрным сердечком таила беду:
Художнику – смерть, а поэту – страданье.

(**Анастасия Харитонова** «И темень цветная шумела в саду»)

Свободолюбы и поэты…
В России нам предрешено
Считать последние монеты
И пить не царское вино.

И воплощать своё призванье
В ночи за кухонным столом,
Когда метафора в сознанье
Мелькает мутным мотыльком.

(**Владимир Макаренков** «Мечтатель я, и ты мечтатель»)

Я полжизни смиренно прожил,
сочинял свои «ахи» и «охи»,
оказалось – тем самым крушил
постамент большевистской эпохи.
Он несётся, как бурный поток,
он по-прежнему чист и простужен,
сокрушительный мой шепоток,
что отечеству всё-таки нужен!

(**Георгий Булатов** «Мне покоя уже не вернуть…»)

Остаётся надеяться, что «сокрушительный шепоток» большинства авторов из российской глубинки, обретший на страницах антологии «Лёд и Пламень» свой неповторимый голос, отечеству и читателям «всё-таки нужен».

2. Ольга Валенчиц (Тольятти)

Антологичные впечатления

Я из российской глубинки.

А отсюда о том, о чём буду говорить, можно судить только опосредованно.

Например, по стихам некоренных москвичей:

В Москву! В Москву!
А что в ней делать?
Москва такая ж глухомань…

(**Владимир Коробов** «В Москву! В Москву!»)

Или некоренных петербуржцев:

По московскому времени ныне живёт
разве только что армия, космос и флот
с мавзолеем.

(**Иван Дуда** «Я с окраин империи стройный, как шест…»)

Также о температуре кипения столичной литературной жизни можно судить по разговорам с приезжающими в глубинку нас навестить «известными поэтами современности». По их заботе о наших больших и малых публикациях, о выступлениях нас, малоизвестных авторов, в ЦДЛ, об установлении творческих контактов с литераторами зарубежья. Забота есть.

Некоторые детали привносят рассказы выпускников Литинститута им. А.М. Горького и Высших литературных курсов при оном. Субъективность взгляда здесь налицо, но не о том речь.

Какие бы отношения – деловые, творческие, приятельские и даже сердечные – ни объединяли «российскую глубинку» с «капитанским мостиком» современной русской литературы, судить о жизнеспособности и силе литературного объединения будут не столько по нашим «мемуареальным» запискам и перепискам, сколько по публикациям в жанре *мегатекста*, т. е. антологии.

Отсюда максимальная ответственность и сложность поставленной перед составителями антологии задачи.

Литературный Интернет допускает предельный демократизм публикаций, демократизм гипертрофированный, свалкообразный; как говорится, есть азарт – ищите иголку в стоге сена.

Антология – это квинтэссенция. Что ни голос – игла. Так *должно* быть.

Получилось ли? Пусть решают читатели. Я готова к тому, что повального одобрения не дождаться. И не только потому, что почти всегда обиженно и злорадно звучат голоса тех, кто остался за кадром ввиду ограниченности объёма издания. Уровень подборок действительно не вполне ровный. Некоторые авторы представлены не самыми своими показательными стихами (с их собственной точки зрения; с точки зрения их «по-читателей»). Некоторые авторы не дотягивают до «средней температуры» по союзу – быть может, у них ещё всё впереди? Их задача на данный момент – представить собственное региональное отделение – выполнена исправно.

…Пожалуй, самую злую шутку с авторами и составителями «Пламени» сыграло то явление, которое я называю «русской поэтической доминантой»:

Есть в российской природе особая грусть,
без которой не стать бунтарём и поэтом…

(**Георгий Булатов** «На сто тысяч осколков в холодной росе…»)

Да, чуткий голос русского поэта (так же, как и музыканта, и художника) невозможно представить без устойчивых тональных связей с тоской, с вечностью и с обличением состояния собственной державы. Да, «за державу обидно». И конца края этой обиде (а уж этой вечности и подавно!) не видно. И берёт сия обида за горло, и сдавливает его, иногда до полной потери естественности интонации…

Чем более *открытым* текстом подаётся авторское отношение к моральным ценностям, тем уязвимее поэзия. Исключение составляют исторические времена, когда «народ безмолвствует», когда пафосное обличение равносильно подвигу, ибо ставит на жизни поэта и его творчестве властный крест… Но и тогда поэт рискует подлинностью человеческой интонации.

Я *не агитирую* за дезориентацию в моральных ценностях! Подчёркиваю: поэзия бежит риторики. Не стану здесь приводить отрицательные примеры. Бегло – великолепные образцы выраженной, но вместе с тем не выпячивающей себя моральной позиции автора, которой удалось остаться высокой поэтической позицией:

В обширном здании вокзала
с полуночи и до утра
гармошка тихая играла:
«та-ра-ра-ра-ра-ра-ра-ра».
……
Зачем же, дурень и бездельник,
играешь неизвестно что?
Живи без курева и денег
в надетом наголо пальто.

Надрывы музыки и слёзы
не выноси на первый план –
на юг уходят паровозы.
«Уходит поезд в Магадан!»

(**Борис Рыжий** «В обширном здании вокзала…»)

Что с рожденьем ребёнка теряется право на выбор,
И душе тяжело состоять при раскладе таком,
Где семейный сонет исключил холостяцкий верлибр,
И нельзя разлюбить, и противно влюбляться тайком…

(**Евгений Блажеевский** «Что с рожденьем ребёнка теряется право на выбор…»)

Друг друга криками повторяя,
выравниваясь и опять ныряя –

так каждый в Царствие Божье внидет.
Вот что во сне, очевидно, видит

раб, из которого вьют верёвки,
иль сталкер после командировки.

(**Юрий Кублановский** «Сталкер»)

Какая мгла, какая нежность!
Полночный сад прохладен, пуст.
И кто сказал, что безнадежность –
Не лучшее из наших чувств?

(**Анастасия Харитонова** «Какая мгла, какая нежность!..»)

Страна лесов,
страна полей,
упадков и расцветов,
страна сибирских соболей
и каторжных поэтов.

Весь мир хранит твои меха,
но паче – дух орлиный:
он знает стоимость стиха
и шкурки соболиной.

И только ты, страна полей,
предпочитаешь сдуру
делам своих богатырей
их содранную шкуру.

(**Николай Панченко** «Страна лесов, страна полей…», 1949 г.)

Любимая, в такие времена,
в такую сучью непогодь и замять,
не дай нам Бог кичиться и лукавить,
и выяснять, чья большая вина –

твоя вина или моя вина,
иль родины злопамятные вины
у нас в крови. Без слёз и без запинок
забудь вражду, и да пошлёт нам сына
глухая ночь в такие времена.

(**Аркадий Пахомов** «Любимая, в такие времена…»)

Превосходная степень таланта, дара, мастерства в том, чтоб, сохраняя коллективную память нации, не пережать, не переписать прошлое под копирку, не сорвать голос. «Чем тише, тем горячее», – говорят музыканты о силе извлечения звука.

Как горячи строки Анатолия Жигулина, Ивана Переверзина, Евгения Блажеевского, Бориса Викторова, Бахыта Кенжеева, Юрия Кублановского, Людмилы Абаевой, Аркадия Пахомова и многих других поэтов! Горячи столь же, сколь и тихи. Свободны от формализма, от внешних эффектов и заламывания ручек, естественны и непринуждённы в отношении формы и интонации высказывания. Им удаётся совместить музыкальность и повествовательность русской речи.

Субъективный признак талантливой поэзии – умение из крохотной незатейливой жизненной картинки («стоп-кадра») невидимым трамплином выбросить читателя в обострённое восприятие бытия, «понимание толка» в таком, например:

Раз под осень в глухой долине,
Где шумит Колыма-река,
На склонённой к воде лесине
Мы поймали бурундука.
……..
Каждый сытым давненько не был,
Но до самых тёплых деньков
Мы кормили Тимошу хлебом
Из казённых своих пайков.

А весной, повздыхав о доле,
На делянке под птичий щёлк
Отпустили зверька на волю.
В этом мы понимали толк.

(**Анатолий Жигулин** «Бурундук»)

Почему – *субъективный*? Потому что множество современных авторов виртуозно владеют реалистичными методами бытописания в рифму и без рифмы, верлибром, дольником, ямбом и анапестом, а вот нащупать «красную кнопку» перехода в «высокие слои атмосферы» у них получается не всегда. К счастью, антология «Пламень» то и дело балует нас положительными, удавшимися примерами.

…Смелая метафоричность русской поэзии, богатство подтекстов всегда были её сильной стороной. «Пламень» в изобытке демонстрирует нам образное мышление авторов, показывая весь диапазон – от метафоры бережной, деликатной:

Антология современной русской прозы и поэзии в 2-х тт. **Пламя, т. 2, поэзия**. М.: Союз российских писателей, 2009. – 463 с.

…чтоб в эту слепую равнину
попасться, как в сети Ловца,
и жизни своей паутину
легко отвести от лица.

(**Людмила Абаева** «О, эти поля-нелюдимы…»)

Так что же мы для неба значим?
В чаду эмоций и страстей
Мы от себя сомненья прячем,
Как спички прячут от детей.

(**Любовь Бессонова** «Забудем мелочные распри…»)

Любовь отбрасывает тень тоски и торжества,
как это делает сирень – цветы её, листва,

и узловатый узкий ствол, и ветви на весу,
как я тягчайшее из зол в груди своей несу.

(**Светлана Кекова** «Любовь отбрасывает тень тоски и торжества…»)

И ты замрёшь, едва дыша
среди дорожного надсада.

Психея, бабочка, душа,
как ты попала в ад из сада?

(**Владимир Коробов** «Заденет бабочка крылом…»)

…до метафоры «навороченной», на грани фола:

…вспомнишь Блока – столкнёшься со сплином,
кликнешь Баха – и чуть не собьёт
представлявшийся днесь муравьиным
соловьиный горячечный пот.

(**Анатолий Кобенков** «Оглядишься: тоска да забота…»)

…обращаясь к Москве:

Что оба мы срослись в кентавра,
пересекаясь, словно крест,
и я – твоя абракадабра,
а ты – заумный мой протест.

(**Евгений Рейн** «Греми, Москва! Цыплячий дождик…»)

Из артезианского бювета
выскочит подземная гроза,
внутренний, слепой источник света
рыжим пеплом выдавит глаза.

(**Александр Чернов** «Литосферный слепок произвола…»)

…Русская *пейзажная* лирика, изрядно потеснённая в антологии стихами другого плана, всё-таки дарит порой читателю самые живые картинки и эмоции. Особо хотелось бы отметить двух «соседей» по антологии – Ивана Переверзина и Владимира Пучкова, у которых «балом правит природа».

Гощу у матушки в деревне,
где сразу у крыльца деревья –
сирень, берёзки, тополя –
купаются в лучах рассвета
и, взявшись за руки как дети,
уходят погулять в поля.

Поля от края и до края,
где рожь на солнце – золотая,
как грива конская, густа.
Где полнозвучно, словно голос,
звенит о сытой жизни колос
и даль до донышка чиста.

Я – в этой дали пропадаю,
лежу в траве, стихи читаю,
плывут, как мысли, журавли…
Не верится, что днями раньше
я был от смертных бурь не дальше,
чем незабудка от земли.

(**Иван Переверзин** «Гощу у матушки в деревне…»)

Кто заучил молчанье назубок,
Тому и воздух кажется опорой!
Здесь раз в неделю пролетает скорый
И трещина ползёт на потолок…
А утром всюду тонкая пыльца,
Как будто время выпало в осадок,
И воздух густ, и снег летящий падок
На шаткие ступени у крыльца.

(**Владимир Пучков** «Кто заучил молчанье на зубок…»)

В лучших своих образцах пейзажная лирика не просто погружает читателя в состояние автора – она делает его *очевидцем* происходящего, *звенящим колосом*…

А случаются и такие нестандартные обращения с читателем, или обращения читателя в…

Узкоглазая степь размотает тебя как клубок,
не зацепишь, никак не поймать в объектив этот снимок.
И твой завтрашний день начинается позавчера, как урок,
и кончается, как поединок.
Неубитый лежишь, опрокинутый степью в полынь,
как не знавшая руки Творца бессловесная глина.
Если б холод ночной не сменял бы дневную теплынь,
здесь была бы твоя Палестина.
Если ты расположишь в пространстве себя, как штатив,
и смахнёшь забивающий оптику мелкий суглинок…
Если б выпитым спиртом ещё протереть объектив…
Вот тогда б получился хороший и правильный снимок.

(**Наталия Михайлова** «Узкоглазая степь размотает тебя как клубок…»)

Русская поэзия насквозь диалогична – будь то обращение к *самому себе* прошлому или будущему, к **со**переживающему слушателю, или **со**беседование человека и природы, или самой природы голоса́ – в человеке… Диалогичность (по большей части не выписанная зрительно) сообщает поэтической *плоти* обмен энергией с *духом* и компенсирует экзистенциальное одиночество человека:

Две старых сосны обнялись и скрипят,
вот-вот упадут.
И дождь их стегает, и гнёт снегопад,
но жить – это труд.

Лесбийские сёстры, почти без ветвей,
жилички высот.
Одна упадёт и другая за ней,
но твердь не даёт.

Я ночью не сплю, и они меж собой
о чём-то не спят.
Проснусь – а они уже наперебой:
ну как? – говорят.

Щади их ненастье, храни их в жару
и в стужу, Творец.
О, скоро и я напрямик разберу
их речь, наконец.

(**Олег Чухонцев** «Две старых сосны обнялись и скрипят…»)

Современная русская поэзия практически «всеядна» в отношении форм и стилей. Мнение ряда современных авторов о том, что она давно себя обглодала и обречена на искусственный диссонанс: атональность, аритмичность, эпатирующую анархию ума, – не разделяю. Подозреваю, что за таким мнением неудачно скрывается бесчувственность к языку. «Пламень» ещё раз доказывает, что русский язык пластичен, его ресурсы в метрическом и звукописном отношении безграничны.

Но… обнимать необъятное всегда проще с позиции наблюдателя. Убеждена, что избранная *читательская* аудитория (превышает ли она количество *пишущей*?) не уйдёт со страниц «Льда и пламени» с пустыми руками. Того содержания, что кропотливо отобрано составителями в антологию, с лихвой хватит на месяц бессонных ночей *дегустации*. Полноценно проникнуть, понять, сравнить, *прорасти* – пожалуй, и нескольких лет не достаточно.

А судьбы?..

Мы все у Господа в горсти,
Но нам судьбы хватает.
Бывает тошно на Руси –
Но скучно не бывает.

(**Борис Скотневский** «Мы все у Господа в горсти…»)

Категорически разделяю мнение поэта.

Кстати, на страницах антологии «Лёд и пламень» тоже временами «бывает тошно». «Но скучно не бывает». Ибо – Россия.